

УДК 329

Андрей Викторович СЕРЕГИН,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
кандидат юридических наук, доцент

andrei-seregin@rambler.ru

**СИНКРЕТИЧЕСКИЙ ДИССОНАНС ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРАВОПОРЯДКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

SYNCRETIC DISSONANCE OF THE POLITICAL ORDER OF MODERN RUSSIA

В статье впервые в российской историко-юридической науке рассматриваются проблемы синкретического диссонанса политического правопорядка современной России. Автор на основе системного анализа приходит к выводу, что политико-правовые противоречия правопорядка заложены не только в природе политики, но и в синкретической структуре Конституции Российской Федерации 1993 г. Преодоление нарастающего хаоса и беззакония возможно при условии гуманизации и социализации правовой и экономической системы современной России.

The article for the first time in the Russian historical and legal science deals with the problems of syncretic dissonance of the political order of modern Russia. The author on the basis of the system analysis concludes that the political and legal contradictions of law and order are inherent not only in the nature of politics, but also in the syncretic structure of the Constitution of the Russian Federation of 1993. To overcome the growing chaos and lawlessness is possible under condition of humanization and socialization of the legal and economic system of modern Russia.

Ключевые слова: политический правопорядок, право, политика, Конституция, Российская Федерация, справедливость.

Keywords: political order, law, politics, Constitution, Russian Federation, justice.

Феномен синкретизма (от др.-греч. συκρητισμός – соединение) [10, с. 609] как объединения разрозненных неорганических элементов, принадлежащих разным социальным институтам и учениям, довольно часто встречается в религии, культуре, экономике и иных сферах общественной жизни. Если противоречивые элементы не удастся согласовать, то, говоря терминологией музыкантов, наступает диссонанс (с фр. dissonance, от лат. dissonantia – нестройность, нестройное звучание) [8, с. 221], разрушающий логическую структуру, обремененную сверх меры внутренними противоречиями. Для стабильности государства особую опас-

ность представляет синкретический диссонанс политического правопорядка, как правило, являющийся предвестником «смутного времени». С теоретической точки зрения правопорядок определяется как составная часть общественного порядка, регламентируемая юридическими нормами и заключающаяся в соблюдении законности, обеспечении субъективных прав и юридических обязанностей всеми субъектами правоотношений [11, с. 292]. Главными принципами устойчивого правопорядка в доктрине современной правовой государственности признаются: принципы конституционности, законности, целостности и структурности (т.е. системности),

субординации и соподчиненности, справедливости, нравственности и патриотизма (учета национальных интересов) [11, с. 293].

Политический правопорядок регулируется не только юридическими нормами, но и правилами политической культуры, политической целесообразности и политической практики. По существу, политический правопорядок состоит из двух близких, но противоречивых общественных сфер, которые в реальности постоянно отрицают друг друга: состояние законности и требование политической целесообразности, которой чужды идеи моральности, а иногда и правопослушания.

Весьма точно данная проблема была сформулирована в статье помощника Президента Российской Федерации Владислава Юрьевича Суркова под названием «Долгое государство Путина» [9]. По мнению В.Ю. Суркова, в мире реальной политики, как на западе, так и в России, выборы в качестве института демократического государственного режима давно являются иллюзией, успокаивающей общественное мнение, а писаная конституция принята лишь для международного имиджа, поэтому ее нормы остаются лозунгами и декларациями [9]. В действительности отечественный политический порядок определяется правопониманием «глубинного народа», в представлениях которого «современная модель русского государства, – пишет он, – начинается с доверия (к главе государства – авт.) и на доверии держится. В этом ее коренное отличие от модели западной, культивирующей недоверие и критику, и в этом ее сила» [9]. Поэтому для В.Ю. Суркова «все ветви власти ценны лишь в той мере, в которой соответствуют задачам Верховного правителя» [9].

Данная оптимистическая консервативно-монархическая оценка синкретического диссонанса российского нигилистического политического правопорядка, сложившегося в начале XXI в., не разделяется Председателем Конституционного Суда РФ Валерием Дмитриевичем Зорькиным, так как релятивистское, т.е. неустойчивое, относительное правопонимание постмодерна обостряет кризисы права, демократии, легитимности

и социальной справедливости, что, в свою очередь, заставляет задуматься о новой, правильной философии метамодерна [1]. «Правители, принимающие право за служанку, рано или поздно уходят, оставляют за собой лишь бумажную шелуху мертвых законов. Но под этой шелухой остаются могилы людей, их благородных чувств и идей» [2, с. 6]. Весьма справедливо В.Д. Зорькин считает, что «наиболее очевидным образом опасность беззакония проявляется сейчас вследствие несправедливого характера социально-экономических отношений, разрастающейся пропасти между богатыми и бедными, а также в сфере международно-правовых отношений, которые приобретают все более неопределенный, а значит, хаотичный, энтропийный, (т.е. чреватый необратимым распадом) характер» [2, с. 9]. В связи с тем, что нравственные и религиозные ценности партикулярны и противоречивы, преодоление хаоса беззакония и создание подлинной социальной солидарности, в его трактовке, возможно только посредством права, обладающего «общепризнанным принципом формального равенства людей в свободе» [2, с. 19].

При государственно-правовом режиме, именуемом современной теорией государства и права демократией, прежде всего гарантируется юридическое равенство прав и обязанностей граждан, в то время как реальные возможности индивида продолжают пребывать в зависимости от благосостояния семьи, в которой он родился. Это порождает фактическое неравенство первоначальных возможностей людей. «Французская революция научила и передала по наследству человечеству вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и вследствие этого с ними надо обходиться «одинаково» ... сущность справедливости состоит как раз в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми» [4, с. 147]. По мысли И.А. Ильина, люди не равны от рождения ни телом, ни душой, ни духом, «они не одинаковы, – значит, и обходиться с ними надо не одинаково; а именно – каждый раз согласно их живому своеобразию. Иначе возникает несправедливость» [4, с. 148]. В силу этого он приходит к выводу, что «справедливость есть

искусство неравенства и присуща лишь благородным душам» [4, с. 148]. Более того, законы диалектики о единстве и борьбе противоположностей и отрицании отрицания всегда будут порождать неравенство в сфере равенства: например, оценивая обучающихся по балльной системе на основе единых критериев, учитель конструирует рейтинговую систему неравенства.

Современный процесс глобализации усиливает социальное неравенство, основанное на культе прагматизма, рационализма, эгоизма, безудержной жажде успеха любой ценой, культивируя тем самым одержимое стремление к извлечению максимальных благ, не считаясь ни с интересами родной страны, ни с чаяниями сограждан [6, с. 72]. Оказалось, что рыночные отношения не могут существовать в отрыве от преступности, так как основаны на конкуренции (что предполагает подавление конкурентов), на избытке рабочей силы (безработице), на достижении прибыли в возможно больших пределах при меньших затратах, на имущественном и социальном неравенстве. Поэтому в самых экономически развитых странах капитализма существует высокий уровень преступности. Более того, погоня за прибылью снижает духовный потенциал общества, ухудшает нравы [3, с. 26]. «Исторический опыт показывает, что ни одна экономическая система не является идеальной, но более криминальной все же является рыночная, – пишет И.А. Иванников, – поскольку рынок товаров, услуг, рабочей силы немыслим без безработицы, а безработица – это резерв преступности» [3, с. 26]. Достаточно закономерно, что «в массовом правосознании меняется и образ преступника: постепенно он стал ассоциироваться с вызывающим зависть удачливым бизнесменом, умеющим обходить или нарушать закон и получать при этом прибыль. Подобная интеллектуально-психологическая эрозия в сочетании с падением уровня жизни значительной части населения ведет к интенсивному вовлечению в криминальную среду все большего числа граждан, не имеющих преступного опыта» [5, с. 8].

Вместе с тем право, как и политика, обременено синкретическими антиподами, осо-

бенно это касается «мифологического» принципа формального равенства [7, с. 193-212]. Например, закрепление в ст. 19 Основного закона России принципа равенства граждан перед законом и судом независимо от пола и должностного положения не соблюдается в иных статьях Конституции. Например, в ст. 91 установлена неприкосновенность Президента РФ, в ч. 1. ст. 98 – неприкосновенность членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, в ч. 1. ст. 121 – неприкосновенность судей, а в ч. 1 ст. 38 государство объявляет о защите материнства, детства и семьи, ничего не говоря об отцовстве.

Для устранения синкретического диссонанса российского правопорядка необходимо честно ответить на два вопроса: какое общество мы строим и какова иерархия его ценностей?

Общество потребления в условиях рыночной экономики невозможно без гипертрофированного эгоизма и социального паразитизма, поэтому оно устроено по законам джунглей: «сильный пожирает слабого». Социальное государство, о котором идет речь в ч. 1 ст. 7 Конституции Российской Федерации, наоборот, основано на идеях солидарной ответственности богатых за судьбы бедных. Данная концепция нуждается в иных духовно-нравственных ориентирах.

Важно понять, что не бывает стабильного правопорядка в обществе, где нарушена экономическая справедливость. Поэтому двойная, тройная и т.д. мораль будет порождаться безнравственной элитой, сформированной мошеннической приватизацией. Эта антиэлита разрушит правопорядок, так как по своей природе право всегда будет основанием для пересмотра последствий обнищания основной массы населения России в 90-е гг. XX в. и обогащения немногих за их счет. Только сила государственной власти способна заставить плутократию нести социальную ответственность перед обществом. Для этого мало иметь политическую волю. В первую очередь необходимо провести кадровую революцию: воспитать новую политическую элиту путем реализации принципа законности на практике и принятия новой

конституции, соответствующей потребностям российского общества. Для установления справедливости необходимо не только лишить неприкосновенности всех должностных лиц, но и установить повышенный уровень юридической ответственности для всех государственных и муниципальных служащих. При подготовке юристов необходимо применять метод пирамидального отсева, при котором выпускаться должны лучшие, отобранные из поступивших (например, при принятии на первый курс 100 обучающихся оканчивать и получать дипломы юристов должны лишь 25). При попытке списывания или систематического нарушения законов студенты юридических вузов должны отчисляться как профнепригодные, с низким

уровнем правосознания, с запретом на право проходить правоохранительную и иную государственную службу.

Кроме того, каждый гражданин Российской Федерации должен получить земельный надел и иметь счет, на который государство с момента рождения будет отчислять ему часть ренты от продажи природных ресурсов (нефти, газа и других углеводородов). Данный счет может быть аннулирован в случае государственной измены или совершения тяжких и особо тяжких преступлений гражданином Российской Федерации.

Преодоление нарастающего хаоса и беззакония возможно при условии гуманизации и социализации правовой и экономической системы современной России.

Библиографический список

1. Зорькин, В.Д. Право метамодерна: постановка проблемы : лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (16 мая 2019 г.) / В.Д. Зорькин. – URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit.html>.
2. Зорькин, В.Д. Право против хаоса : монография / В.Д. Зорькин. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2018.
3. Иванников, И.А. Государственная власть и справедливость в России: пути модернизации государства и права : монография / И.А. Иванников. – Ростов-на-Дону, 2009.
4. Ильин, И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / Ильин И.А. // Собр. соч.: в 10 т. – Т. 3. – М., 1994.
5. Концепция правового воспитания российского общества : коллективная монография / под ред. В.В. Сорокина, А.А. Васильева. – Барнаул, 2014.
6. Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 2005.
7. Серегин, А.В. Философия справедливости в системе юридического неравенства / А.В. Серегин. // Философия права в современной России: некоторые подходы и направления : монография / под ред. А.И. Овчинникова, И.П. Кожакаря. – М., 2019.
8. Словарь иностранных слов / гл. ред. Ф.Н. Петров. – Изд. 6-ое, перераб. и доп. – М., 1964.
9. Сурков, В.Ю. Долгое государство Путина / В.Ю. Сурков. – URL: https://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html.
10. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. – М., 1983.
11. Энциклопедия правовой мысли : учебное пособие / А.Ю. Мордовцев и др. – М., 2019.